

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.2>

УДК 902(652)

ББК 63.443-427.1

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БЛИЗ СЕЛА АСТАНИНО В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ ¹

Кропотов Виктор Валерьевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма
goshshaa@mail.ru
просп. Вернадского, 2, 295053 г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуются материалы двух сарматских захоронений, изученных в 1966–1967 гг. Керченской новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР (начальник экспедиции – А.М. Лесков) близ с. Астанино в Восточном Крыму. Эти захоронения были впущены в насыпи курганов эпохи бронзы на небольшую глубину, из-за чего контуры погребальных сооружений проследить не удалось. Покойные были вытянуты на спине головами на север и северо-восток. Среди сопутствующего им инвентаря – две гончарные сероглиняные пелики, две сероглиняные чаши, краснолаковая миска, гончарный красноглиняный сосуд, набор стеклянных и сердоликовых бус, бисер из египетского фаянса. Данные вещи позволяют уверенно датировать исследованные комплексы в пределах второй половины I в. до н. э. и, возможно, начала I в. н. э.

Использование для захоронений уже существующих курганных насыпей, ориентировка покойного в северный сектор, незначительная глубина погребения – главные отличительные черты раннесарматских захоронений Северного Причерноморья, к которым и следует относить публикуемые памятники. Малочисленность раннесарматских погребений при распространении на довольно значительной территории – междуречье Дона и Днепра – свидетельствуют о невысокой плотности кочевого населения в это время. Письменные источники конца II – I в. до н. э. упоминают в данном регионе роксолан/ревксианалов. Описанные захоронения, по-видимому, принадлежали именно этому племени.

Исследованные близ с. Астанино комплексы дополняют наши скудные знания о сарматских древностях Крымского полуострова и указывают на прямые контакты кочевников Северного Причерноморья с античными центрами, в непосредственной близости от которых они были найдены.

Ключевые слова: Крым, сарматы, курган, погребение, эллинизм.

В 1966–1967 гг. Керченской новостроечной экспедицией ИА АН УССР под общим руководством А.М. Лескова близ с. Астанино Ленинского района Крымской области (ныне Республики Крым) была исследована группа из 29 курганов, сооруженных в период от эпохи ранней бронзы до скифского времени и содержащих ряд более поздних впускных погребений. Среди последних – два захоронения сар-

матского времени, открытые в курганах 3 и 23. Эти комплексы, сопровождавшиеся достаточно выразительным инвентарем, до сих пор остаются полноценно не опубликованными, хотя имеют большое научное значение. В литературе представлены лишь краткие сведения об отдельных найденных в них вещах и их датировке [9, с. 250; 10, с. 114]. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Курган 3 располагался в западной части курганной группы и был возведен в эпоху бронзы над погребением ямной культуры. Его высота 3,4 м, диаметр около 26 м. Сарматское погребение (№ 1) выявлено в 4 м к юго-востоку от центра кургана на глубине 1,6 м. Контуры погребального сооружения проследить не удалось. Погребенная женщина была уложена вытянуто на спине головой на северо-восток, руки слегка со-

гнуты в локтях. Под скелетом в нескольких местах прослежены следы органического тлена, возможно, являющиеся остатками растительной подстилки.

Покойную сопровождал достаточно многочисленный инвентарь. С правой стороны черепа найдена гончарная сероглиняная пелика (рис. 1, 6), у правого плеча – морская раковина со сквозным отверстием (рис. 1, 10). В области шеи зафиксировано ожерелье из

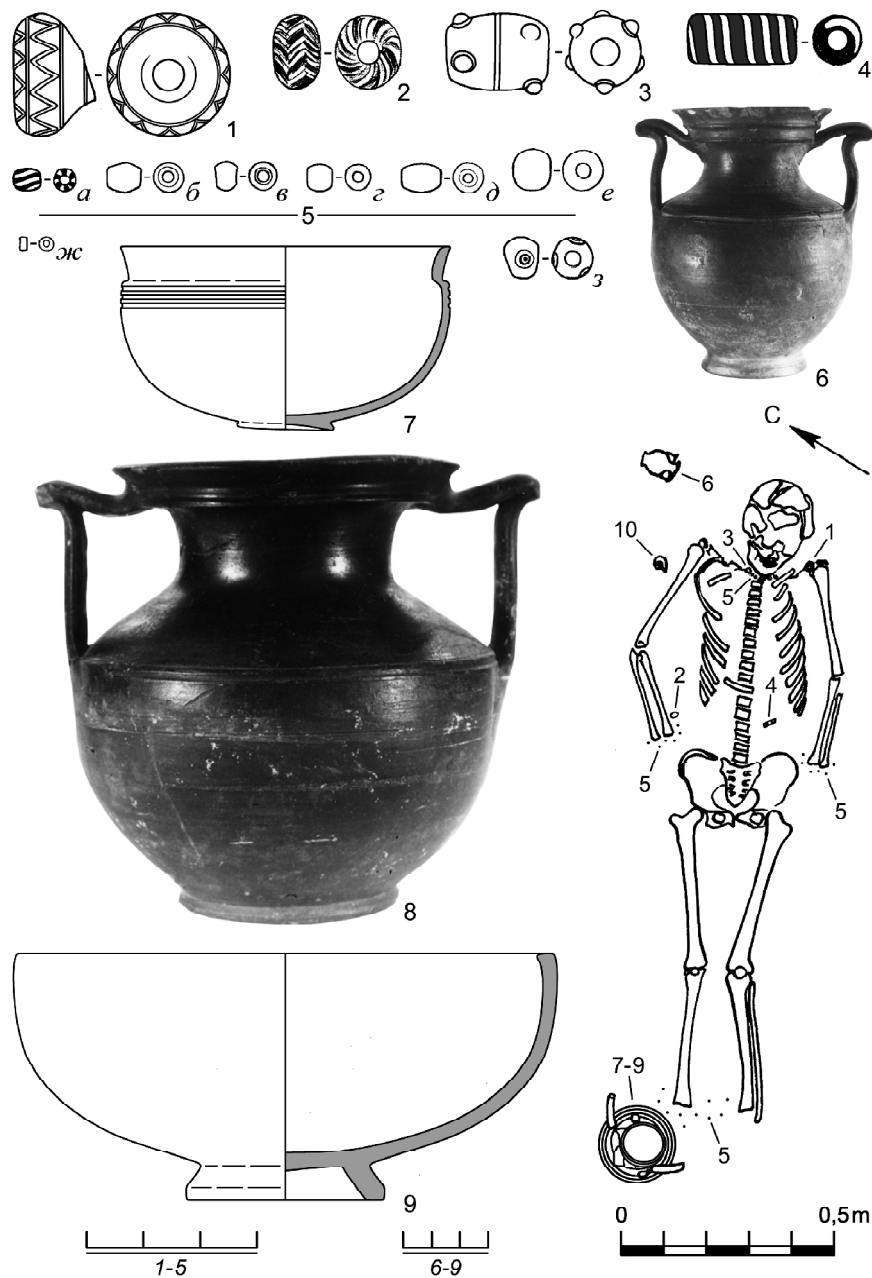

Рис. 1. Курган 3 у с. Астанино, план и инвентарь погребения 1:

1-5 – стеклянные (1-4, 5а-г, е), сердоликовые (5д) и фаянсовые (5ж) бусы; 6, 8 – гончарные сероглиняные пелики; 7 – сероглиняная чаша; 9 – краснолаковая миска; 10 – морская раковина со сквозным отверстием

стеклянных бус (рис. 1, 1, 3, 5); бусы также отмечены в районе запястий и у ног захоронения (см. рис. 1, 2, 4, 5). В ногах располагались и три поставленных друг на друга сосуда – сероглиняная чаша, еще одна гончарная сероглиняная пелика и краснолаковая миска (см. рис. 1, 7–9); в миске находились фрагменты железного ножа (не сохранились) и кости барана.

Курган 23 располагался в противоположной части группы и также был сооружен в эпоху ранней бронзы. Его насыпь интенсивно распахивалась и к началу раскопок не превышала в высоту 0,5 м, диаметр около 24 м. Сарматское погребение (№ 1) обнаружено в

3 м к востоку от центра кургана на уровне погребенной почвы. Контуры погребального сооружения проследить не удалось. Покойник был уложен вытянуто на спине головой на север, следов каких-либо подстилок под ним не обнаружено. В захоронении найдены: за головой усопшего – развал гончарного красноглиняного сосуда (рис. 2, 1), у запястий и в районе щиколоток – бусы (рис. 2, 5), между голени – сероглиняная чаша (рис. 2, 2), железный нож (рис. 2, 3) и кости овцы (рис. 2, 6), находившиеся, судя по следам древесного тлена, на деревянном блюде или подносе. На дне могилы под скелетом обнаружены фрагменты железного кольца (рис. 2, 4).

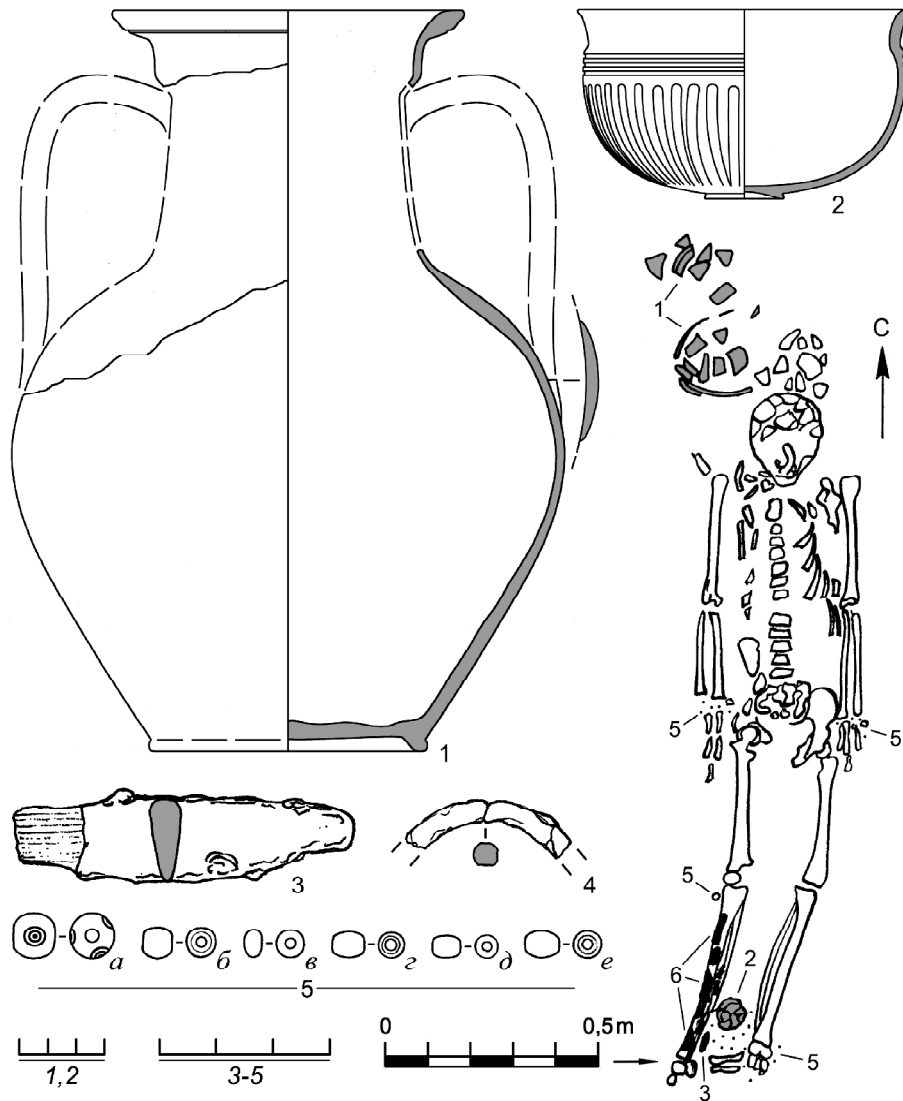

Рис. 2. Курган 23 у с. Астанино, план и инвентарь погребения 1:

- 1 – гончарный красноглиняный сосуд; 2 – сероглиняная чаша; 3 – железный нож;
- 4 – фрагменты железного кольца; 5 – стеклянные бусы; 6 – кости барана

Оба комплекса, благодаря обилию античного импорта, можно достаточно точно датировать. Пожалуй, наиболее подходящими для этого находками являются две гончарные сероглиняные пелики, покрытые графитным лаком, происходящие из погребения 1 кургана 3². Эти сосуды очень близки друг другу по форме и отличаются лишь мелкими деталями: высотой кольцевого поддона, профилем венчика, степенью изгиба ручек, а также общими размерами. Высота первого сосуда 9,5 см, диаметр венчика 5,5 см, диаметр кольцевого поддона 3,5 см, максимальная ширина тулова 7 см (см. рис. 1, 6). Высота второго сосуда 16,5 см, диаметр венчика 12,5 см, диаметр кольцевого поддона 7,8 см, максимальная ширина тулова 15 см (см. рис. 1, 8). Хотя образцы, полностью идентичные им, в Северном Причерноморье пока не известны, публикуемые изделия, несомненно, составляют одну группу с аналогичными краснолаковыми сосудами, широко представленными как в сарматских погребениях [10, рис. 2, 3], так и на античных и позднескифских памятниках [4, рис. 59; 7, рис. 3; 16, рис. 7, 5]. В представлениях исследователей о датировках последних особых расхождений нет – вторая половина I в. до н. э. или начало I в. н. э. [6, с. 194; 7, с. 283; 11, с. 143; 16, с. 292].

Выразительны в хронологическом плане и сероглиняные чаши, встреченные в описанных комплексах. Эти сосуды очень сходны между собой и, по сути, различаются лишь наличием/отсутствием каннелюр на тулове. Поверхность изделий тщательно залощена, следов какого-либо лака или покрытия на них не отмечено. Образец из погребения 1 кургана 3 имеет высоту 6,5 см, диаметр венчика 11,5 см, диаметр поддона 3,4 см (см. рис. 1, 7). Размеры экземпляра из погребения 1 кургана 23: высота 6,7 см, диаметр венчика 11,6 см, диаметр поддона 2,8 см (см. рис. 2, 2). Аналоги публикуемых чаш столь же многочисленны [5, табл. 29, 10; 68, 2; 73, 3; 6, рис. 4, 4; 14, рис. 10, 26]. Однако точки зрения исследователей о времени их бытования более противоречивы: последняя четверть II – первая половина I в. до н. э. [5, с. 20, 32, 33], I в. до н. э. [11, с. 144], конец I в. до н. э. – начало I в. н. э. [6, с. 195], I – первая половина II в. н. э. [14, с. 83, 84].

Краснолаковые миски, подобные сосуду из погребения 1 кургана 3 (см. рис. 1, 4), с полусферическим туловом на невысоком кольцевом поддоне также не являются редкостью в Причерноморье. Такие изделия были наиболее популярными в I в. до н. э. – начале/первой половине I в. н. э. [12, с. 80, рис. 12, II, 1; 15, II, 5; 24, III, 1; 34, 25; 35, 12; 38, 6; 17, с. 142, рис. 10, 6, 7; 18, с. 90–91, рис. 16, 5; 18, 1; 21, 1], хотя изредка продолжали встречаться и в более позднее время [8, с. 55]. Размеры публикуемого изделия: высота 8,7 см, диаметр венчика 19 см, диаметр кольцевого поддона 7 см.

Фрагментарно сохранился гончарный красноглиняный сосуд из погребения 1 кургана 23 (см. рис. 2, 1). Образец имел округлое, чуть расширяющееся кверху тулово на низком кольцевом поддоне и широкое горло с отогнутым наружу профилированным венчиком; на тулове сохранился нижний прилеп широкой ленточной ручки. Следов какого-либо покрытия на сосуде не обнаружено. Диаметр венчика 12,3 см, диаметр кольцевого поддона 9,8 см, максимальная ширина тулова 19,4 см, предполагаемая высота не менее 25–26 см. Представленные части позволяют реконструировать образец как большую столовую амфору с двумя ручками, однако фрагментарность изделия не позволяет его узко датировать. Подобные сосуды бытовали широко в течение всего эллинистического периода и изредка встречались даже в римское время.

Не предполагает узких датировок и большинство из встреченных в публикуемых захоронениях бус. К сожалению, точной информации о том, какие из них были найдены в области шеи, какие в районе рук, а какие у ног покойных, не сохранилось. На плане погребения 1 кургана 3 особо указано лишь расположение крупных разноцветных пронизей (см. рис. 1, 1–4), остальные находки в рамках каждого из погребений смешаны.

Так, в погребении 1 кургана 3 были найдены: крупная пронизь из прозрачного сизо-зеленого стекла, украшенная чередующимися поперечными зигзагообразными и прямыми нитями из глухого белого стекла (тип 314³) (см. рис. 1, 1), округлая поперечно-сжатая пронизь из глухого синего стекла, украшенная чередующимися продольными зигзагообразными полосами глухого белого, желтого, красного и синего стекла

(см. рис. 1, 2), бочковидная пронизь из глухого синего стекла, обвитая поперек белой нитью и украшенная шестью выпуклыми сине-белыми глазками (тип 356) (см. рис. 1, 3), цилиндрическая пронизь из глухого черного корродированного стекла, обвитая спиральной нитью из глухого белого стекла (тип 215а) (см. рис. 1, 4), а также бусы – бочковидные, украшенные продольными полосами из глухого черного и белого стекла (5 экз., тип 190б) (см. рис. 1, 5а), бочковидные из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (8 экз., тип 2а) (см. рис. 1, 5б), округлая поперечно-сжатая из глухого зеленого стекла (тип 8) (см. рис. 1, 5в), округлые поперечно-сжатые из полупрозрачного темно-лилового стекла (9 экз., тип 4) (см. рис. 1, 5г), округлые из глухого черного стекла (2 экз., тип 1) (см. рис. 1, 5е), округлая поперечно-сжатая из глухого красного стекла с тремя сине-белыми глазками (тип 27а) (см. рис. 1, 5з), бочковидные из сердолика (4 экз., тип 3б) (см. рис. 1, 5д), а также короткоцилиндрический бисер из египетского фаянса бирюзового цвета (68 экз., тип 9) (см. рис. 1, 5ж). Все перечисленные типы бус бытуют очень долго: либо в течение III в. до н. э. – III в. н. э. (см. рис. 1, 4, 5б, 5в, 5д) [2, с. 30, 45, 64; 3, с. 10], либо даже всю античную эпоху (см. рис. 1, 5г, 5е–ж) [1, с. 32; 2, с. 62–63]. Более или менее узко, II – I вв. до н. э., Е.М. Алексеева датирует только разноцветные пронизы типов 190б и 356 (см. рис. 1, 3, 5а) [2, с. 43, 54]. Пронизы типа 314 из прозрачного сизо-зеленого стекла, украшенные белой нитью (см. рис. 1, 1), исследовательница относит к первым векам н. э. [2, с. 52].

Из погребения 1 кургана 23 происходит лишь округлая поперечно-сжатая пронизь из глухого красного стекла с тремя сине-белыми глазками (тип 27а) (см. рис. 2, 5а), а также одноцветные бусы: округлые поперечно-сжатые из глухого красного стекла (4 экз., тип 3) (см. рис. 2, 5б–в), бочковидные из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (47 экз., тип 2а) (см. рис. 2, 5г) и бочковидные из глухого грязно-синего стекла (15 экз., тип 28) (см. рис. 2, 5д–е). Эти изделия Е.М. Алексеева датирует столь же широко [1, с. 60; 2, с. 30, 63], допуская только для бус из глухого грязно-синего стекла типа 28 относительно узкую дату – III–II вв. до н. э. [2, с. 65].

Сопоставление всех приведенных выше определений указывает на наиболее вероятную датировку обоих комплексов в пределах второй половины I в. до н. э. и, возможно, начала I в. н. э.

Использование для захоронения уже существующей курганной насыпи, ориентировка покойного в северный сектор, незначительная глубина погребения – главные отличительные черты раннесарматских захоронений Северного Причерноморья [15, с. 32], к которым и следует относить публикуемые памятники. Малочисленность раннесарматских погребений при распространении на довольно значительной территории – междуречье Дона и Днепра – свидетельствует о невысокой плотности кочевого населения в это время. Письменные источники конца II – I вв. до н. э. упоминают в данном регионе роксолан/ревксиналов [13, с. 17]. Захоронения, описанные в данной работе, по-видимому, принадлежали именно этому племени.

Исследованные близ с. Астанино комплексы дополняют наши скудные знания о раннесарматских древностях Крымского полуострова и указывают на прямые контакты кочевников Северного Причерноморья с античными центрами, в непосредственной близости от которых они были найдены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья публикуется по материалам Международного научного семинара «История и культура сарматов: традиционный и междисциплинарный подход», посвященного 75-летию А.С. Скрипкина.

² Все материалы, происходящие из раскопок курганов у с. Астанино, хранятся в фондах Института археологии НАН Украины (коллекция № 601), однако найти среди них сероглиняные пелики не удалось. Судить о них мы можем лишь по фотографиям и описанию, приведенному в отчете о полевых исследованиях, а также по публикации Е.Г. Карнауца [10, с. 114, рис. 3, 1–2].

³ Здесь и далее используется типология Е.М. Алексеевой [1; 2; 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ. – 1975. – Вып. Г1-12. – 120 с.

REFERENCES

2. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ. – 1978. – Вып. Г1-12. – 120 с.
3. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ. – 1982. – Вып. Г1-12. – 104 с.
4. Алексеева, Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии / Е. М. Алексеева // Горгиппия : материалы Анап. археол. экспедиции. – Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1982. – Т. II. – С. 5–116.
5. Дашевская, О. Д. Некрополь Беляуса / О. Д. Дашевская. – Симферополь : Предприятие Феникс, 2014. – 284 с.
6. Демиденко, С. В. «Круглый курган» из раскопок В. Г. Тизенгаузена / С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев, М. Ю. Трейстер // Древности Евразии. – М., 1997. – С. 186–215.
7. Журавлев, Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. / Д. В. Журавлев // Supplementum. – 2010. – Вып. 9. – 320 с.
8. Журавлев, Д. В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища “Чайка” / Д. В. Журавлев // Материалы исследований городища “Чайка” в Северо-Западном Крыму. – М., 2007. – С. 275–312.
9. Зубарь, В. М. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья / В. М. Зубарь, А. И. Кубышев // СА. – 1987. – № 4. – С. 248–253.
10. Карнаух Е. Г. Червонолакові пеліки з сарматських поховань / Е. Г. Карнаух // Археологія. – 2011. – № 3. – С. 114–118.
11. Книпович, Т. Н. Танаис / Т. Н. Книпович. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 180 с.
12. Пуздровский, А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э.: погребальные памятники / А. Е. Пуздровский. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2007. – 480 с.
13. Симоненко, А. В. Сарматы Таврии / А. В. Симоненко. – Киев : Наукова думка, 1993. – 144 с.
14. Симоненко, О. В. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї / О. В. Симоненко // Археологія. – 1994. – № 1. – С. 32–48.
15. Симоненко, О. В. Роксолани: пошук археологічних відповідностей / О. В. Симоненко // Археологія. – 1991. – № 4. – С. 17–28.
16. Толстикова, В. П. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея / В. П. Толстикова, Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе // Боспорские исследования. – 2003. – Вып. III. – С. 289–314.
17. Труфанов, А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. / А. А. Труфанов // Stratum plus. – 2009. – № 4. – С. 117–328.
18. Храпунов, И. Н. Позднескифский могильник у с. Кольчугино / И. Н. Храпунов, В. В. Мяскин, С. А. Мульд // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – 1997. – Вып. 1. – С. 76–155.
1. Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomorya [Antique Beads From the Northern Pontic Region]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1975, vol. G1-12. 120 p.
2. Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomorya [Antique Beads From the Northern Pontic Region]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1978, vol. G1-12. 120 p.
3. Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomorya [Antique Beads From the Northern Pontic Region]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1982, vol. G1-12. 104 p.
4. Alekseeva E.M. Yugo-vostochnaya chast nekropolya Gorgippii [The South-East Part of Gorgippia Necropolis]. *Gorgippiya: materialy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Gorgippia: Proceedings of the Archaeological Expedition]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 1982, vol. 2, pp. 5-116.
5. Dashevskaya O.D. *Nekropol Belyausa* [The Necropolis of Beliausa]. Simferopol, Feniks Publ., 2014. 284 p.
6. Demidenko S.V., Zhuravlev D.V., Treyster M.Yu. “Kruglyy kurgan” iz raskopok V.G. Tizengauzena [“The Round Barrow” From the V.G. Tizengauzen’s Excavation]. *Drevnosti Evrazii*, 1997, pp. 186-215.
7. Zhuravlev D.V. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I-III vv. n. e. [Red-Gloss Ceramics in the Southwest Crimea in the 1st – 3rd Centuries AD]. *Supplementum*, 2010, iss. 9. 320 p.
8. Zhuravlev D.V. O nekotorykh kategoriakh pozdneellinisticheskoy krasnolakovoy keramiki gorodishcha “Chayka” [On Some Categories of Late-Hellenistic Red-Gloss Ceramics From the Chayka Ancient Settlement]. *Materialy issledovaniy gorodishcha “Chayka” v Severo-Zapadnom Krymu* [Materials of Research of the Chayka Ancient Settlement in the Northwestern Crimea]. Moscow, 2007, pp. 275-312.
9. Zubar V.M., Kubyshev A.I. Pogrebalnye kompleksey rubezha nashey ery iz Nizhnego Podneprovya [Burial Complexes at the Turn of Our Era From the Lower Dnepr]. *Sovetskay Arkheologia*, 1987, no. 4, pp. 248-253.
10. Karnaukh E.G. The Red-Gloss Pelicai From Sarmatian Burials. *Arkheologiya*, 2011, no. 3, pp. 114-118. (in Ukrainian).
11. Knipovich T.N. *Tanais* [Tanais]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949. 180 p.
12. Puzdrovskiy A.E. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e.: pogrebalnye pamyatniki* [The Crimean Scythia in the 2nd Century BC – 3rd Century AD: Burial Monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007. 480 p.

13. Simonenko A.V. *Sarmaty Tavrii* [Sarmatians of the Tauria]. Kiev, Naukova dumka, 1993. 144 p.

14. Simonenko O.V. The Early-Sarmatian Period in the Northern Pontic region]. *Arkheologia*, 1994, no. 1, pp. 32-48. (in Ukrainian).

15. Simonenko O.V. Roxolani: the Research of the Archeological Differences. *Arkheologia*, 1991, no. 4, pp. 17-28. (in Ukrainian).

16. Tolstikov V.P., Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A. Keramicheskii kompleks pozdneellinisticheskogo vremeni iz Pantikapeya [The Ceramic Complex at the

Late-Hellenistic Time From Panticapaeum]. *Bosporskie issledovaniya*, 2003, iss. 3, pp. 289-314.

17. Trufanov A.A. Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. don. e. – III v. n.e. [The Chronology of Burials in the Foothill Crimea in the 1st century BC – 3rd century AD]. *Stratum plus*, 2009, no. 4, pp. 117-328.

18. Khrapunov I.N., Masyakin V.V., Muld S.A. Pozdneskifskiy mogilnik u s. Kolchugino [The Late-Scythian Burial Ground Near the Kolchugino Village]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 1997, iss. 1, pp. 76-155.

SARMATIAN BURIALS NEAR THE ASTANINO VILLAGE IN THE EASTERN CRIMEA

Kropotov Viktor Valeryevich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Institute of Archaeology of the Crimea
goshshaa@mail.ru
Prosp. Vernadskogo, 2, 295053 Simferopol, Russian Federation

Abstract. The present article contains the materials of two Sarmatian burials that had been studied in 1966-1967 years by the Kerch expedition of Institute of Archeology of Academy of Sciences of Ukraine (the chief of expedition – A.M. Leskov) in the Astanino village in the Eastern Crimea.

These burials had been made on small depth in embankments of barrows of the bronze epoch, therefore it is not possible to track contours of funeral constructions.

The dead were laid on their backs, heads turned to the North and the North-West. The utensils buried in the same tombs included two ceramic gray-clay pelikes, two gray-clay bowls, a red-gloss vessel, a red-clay pottery, a set of glass and cornelian beads, and the Egyptian faience beads. These things allow to exactly date the investigated complexes within the second half of the 1st century BC – the beginnings of the 1st century AD.

The main distinctive characteristics of Early-Sarmatian burials of Northern Pontic region consist in the use of already existing barrows for burial places, orientations of the dead in the Northern sector, the insignificant depth of burials. Therefore published monuments should be also referred to them. A small number of such complexes with their distribution on the quite big territory between the Don and Dnepr rivers testify to the low density of the nomadic population at that time. The antique sources of the end of the 2nd – 1st centuries BC mention the presence of Roxolani in the given region.

The described complexes supplement our poor knowledge of Sarmatian antiquities of the Eastern Crimea and specify the direct contacts of nomads of Northern Pontic region to the antique centers, in immediate proximity from which they had been located.

Key words: Crimea, Sarmatians, barrow, burial, Hellenism.